

«Образы Версаля» и трансформация международных отношений в Европе после 1989–1990 гг.: взгляд западноевропейских и американских экспертов*

И. Э. Магадеев

Московский государственный институт международных отношений (МГИМО),
Российская Федерация, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Для цитирования: *Магадеев И. Э.* «Образы Версаля» и трансформация международных отношений в Европе после 1989–1990 гг.: взгляд западноевропейских и американских экспертов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2019. Т. 12. Вып. 3. С. 276–292. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2019.302>

В центре внимания статьи находится вопрос об использовании «образов» Версальско-го мирного договора 1919 г. для анализа западноевропейскими и американскими экспертами событий иного исторического периода, а именно окончания холодной войны в 1989–1990 гг. и последовавших затем международно-политических трансформаций в Европе. На фоне многочисленных исследований, посвященных собственно истории Версальского порядка и эволюции его трактовок в историографии, подобная постановка вопроса встречается намного реже. Как представляется, она во многом отличается новизной, а также актуальностью ввиду продолжающихся «битв за историю» и попыток использования интерпретаций значимых исторических событий для легитимации позиции того или иного эксперта или общественно-политического деятеля. Автор выделяет четыре ключевых параметра, по которым проводилось сопоставление европейских реалий после 1919 г. и 1989 г.: усиление националистических и сепаратистских тенденций; изменение геополитической и стратегической обстановки на европейском континенте; новый виток глобализации на либерально-рыночных началах; рост опасений в связи с возможным появлением новых ревизионистских держав и новых международных угроз. Анализ статей экспертов, историков и «лидеров общественного мнения», в той или иной форме апеллировавших к «образам Версаля», продемонстрировал, что нередко подобные оценки расходились с позицией, доминировавшей в специализированной историографии по проблемам Версальского порядка, а эксперты-политологи селективно использовали те или иные грани истории Европы после Первой мировой войны для подкрепления своей точки зрения на характер и тренды развития международной ситуации в 1990-е годы. Вместе с тем амбивалентность в оценках Версаля в 1990-е, как ни странно, отражала двойственность самого мирного договора, комбинирувавшего новаторские элементы (Лига Наций и идеи коллективной безопасности, «право наций на самоопределение») с традиционными силовыми и репрессивными мерами, которые государства-победители часто использовали в отношении проигравших.

Ключевые слова: Версальский порядок, 1919 г., международные отношения, Европа, 1989 г., постбиполярный период.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «От интервенции к признанию: “русская” политика Французской Республики в 1917–1924 гг.» №18-09-00498 А.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2019

Введение

Версальский порядок в Европе¹, как и многие другие исторические феномены, существует, образно говоря, в двух смысловых плоскостях:

- 1) как череда реальных исторических событий, развитие которых ограничено определенными хронологическими рамками (в данном случае — межвоенного периода с 1919 г. по 1939 г. или 1938 г., если рассматривать в качестве начала «конца Версальского порядка» уже Мюнхенское соглашение [3, с. 47]);
- 2) как совокупность исторических аналогий («образов Версаля»), *a posteriori* используемых при оценке тех или иных событий и фактов.

Цель данной статьи — выявить роль и значение аллюзий и сравнений с Версальским порядком, а также отсылок к реалиям межвоенного периода в общественно-политическом дискурсе и экспертном анализе применительно к международным трансформациям в Европе после 1989–1990 гг.

В центре авторского внимания — характер и основные черты интерпретации Версальского порядка западноевропейскими и американскими политологами, историками и «лидерами общественного мнения» в условиях окончания холодной войны; направляющая или дезориентирующая роль исторических аналогий в прогнозировании и оценках стремительно менявшейся ситуации в Европе в 1990-е годы; особенности соотношения оценок Версальского порядка в историографии и в более широких общественно-политических дискуссиях. Статья призвана продемонстрировать амбивалентность, присутствовавшую при использовании «образов Версаля» в суждениях о реалиях постбиполярного периода; риски прямолинейных трактовок текущих событий с опорой на упрощенное толкование прошлого; неоднозначное взаимодействие реальной исторической ситуации и оценок, доминирующих в историографии.

Подобный исследовательский ракурс, с точки зрения автора, отличается актуальностью ввиду продолжающихся в той или иной форме «битв за историю» и использования отсылок к историческим событиям для легитимации собственной позиции [4], а также новизной. На фоне многочисленной и продолжающей разрастаться литературы по самой Парижской мирной конференции и Версальскому урегулированию [5–8], а также работ по историографии Версальского порядка [2; 9; 10, р. 49–73; 11, р. 1–20; 12] изучение «образов Версаля» встречается значительно реже [11, р. 21–34; 13], уступая, к примеру, относительно популярной, хотя и редко разрабатываемой детально, теме «образов» Ялтинской конференции 1945 г. [14]. Хронологические рамки исследования ограничены, с одной стороны, началом политических революций в странах «социалистического лагеря» (1989), а с другой — событиями начала 2000-х годов, обозначившими новый виток в развитии международных отношений, связанный с усилением тенденций многополярности

---

¹ Вслед за А. Д. Богатуровым под «порядком» применительно к международным отношениям понимается «комплекс конкретных договоренностей и возникавших на их основе отношений» [1, с. 16]. Термин «Версальский порядок» рассматривается автором как более предпочтительный по сравнению с рядом иных определений, существующих в современной российской историографии (Версальская / Версальско-Вашингтонская система, Версальско-Вашингтонская международно-правовая система и др.) [2, с. 69].

и роста международного терроризма. Характерная для начала 1990-х годов эйфория по поводу создания «нового мирового порядка» все более очевидным образом уходила в прошлое. Вместе с тем в отдельных случаях привлекаются важные исследовательские оценки, сделанные несколько позже, но так или иначе отсылающие к реалиям периода окончания холодной войны.

Основной источниковой базой исследования послужили статьи западных экспертов, использовавших аналогии с Версалем для оценки текущих событий. В отдельных случаях в целях сравнительного анализа привлекается и мнение российских специалистов-международников. Дискурс политологов, историков и «лидеров общественного мнения» при этом рассматривается как не только отражающий дискуссии в дипломатических и политических кругах, но и нередко на них влияющий. Так, определенное воздействие на восприятие балканских реалий президентом США Б.Клинтоном оказал путевой дневник «Балканские призраки», опубликованный американским публицистом Р.Капланом в 1993 г. [15, р.137]. О воздействии, которое произвел на него классический образец критики Версальского договора — книга «Экономические последствия мира» Дж. М. Кейнса (1919), вспоминал американский экономист и политический советник Дж. Сакс, среди прочего, работавший консультантом правительств в Польше в 1989 г. и в СССР / России в 1991–1993 гг. [16].

В условиях слабой изученности поставленной проблемы и отсутствия сформировавшейся источниковой базы (в обозначенном выше смысле) методология отбора материала базировалась на максимально широкой выборке источников, на стремлении «зачерпнуть» как можно больше релевантных публикаций для их последующей классификации и анализа. Ключевым критерием при отборе статей и монографий выступало наличие в них сравнений и сопоставлений реалий 1919 г. и 1989 г., вычленившихся при помощи соответствующих поисковых запросов — по датам; по ключевым словам («Версаль», «холодная война» и др.), основываясь на ссылках одних авторов на других. Поиск проводился в каталогах основных библиотек, в базах данных журнальных публикаций («Taylor&Francis», «JSTOR» и др.), в сети Интернет (в том числе с использованием сервиса Google books). Как представляется, подобную методологию, пусть и сопряженную с неизбежной селективностью, можно считать адекватной для разработки новой проблематики, а также не несущей высокого риска вычленения только тех источников, которые соответствуют изначальным гипотезам автора.

«Образы Версаля» и международные реалии после 1989–1990 гг.: критерии сравнения и сопоставления

«Одним из важных последствий событий 1989 г. стало то, что история и география вновь очевидным образом приобрели актуальность», — отмечал в 1997 г. шведский дипломат Т. Орн [17, р.45]. «Без событий 11/9 (падение Берлинской стены 9 ноября 1989 г.) и 9/11 (нападение на Всемирный торговый центр в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г.) с большей легкостью можно было бы утверждать, что итоги Парижской мирной конференции и последующих встреч, формально завершивших Первую мировую войну, ушли в тень», — заочно солидаризировался с ним в 2009 г. один из известных специалистов по истории Версальского договора бри-

танский историк А. Шарп [18]. Действительно, даже те, кто в той или иной степени соглашались с известным тезисом американского политолога Ф. Фукуямы о «конце истории», впервые сформулированным, что показательно, именно в 1989 г. [19], неизбежно оглядывались назад, выстраивая свою интерпретацию долгого пути по преодолению «наследия» Первой мировой войны.

Обобщая разнообразные параллели, проводимые авторами, можно выделить четыре основных параметра, по которым международные трансформации в Европе после 1989–1990 гг. сопоставлялись с «наследием» Версаля: 1) усиление националистических и сепаратистских тенденций; 2) изменение геополитической обстановки на европейском континенте; 3) новый виток глобализации на либерально-рыночных началах; 4) рост опасений в связи с возможным появлением новых ревизионистских держав и новых международных угроз. Рассмотрим каждый из них несколько подробнее.

Рост национализма

Резкое усиление, казалось, «замороженных» (если не преодоленных) в годы холодной войны национальных и межэтнических конфликтов, которые нередко стали приводить к образованию новых государств и распаду федераций (Советский Союз, Югославия, Чехословакия), было наиболее очевидным критерием, по которому сопоставлялись события после 1919 г. и 1989 г. Уже в 1990 г., на фоне стремительных и неожиданных для большинства международно-политических изменений, британский историк Э. Хобсбаум писал о том, что текущие пертурбации в Европе отчасти зародились в ходе Первой мировой войны и Версальского урегулирования: «...всплеск сепаратизма и национализма в Европе имеет свои корни в истории двадцатого века. Из яиц Версаля и Брест-Литовска до сих пор вылупляются птенцы» [20, р. 164]. Развивая схожие идеи четырьмя годами позже, тот же маститый автор подчеркивал, что «национальные конфликты, раздиравшие континент в 1990-х годах, явились отголосками тех самых версальских решений» [21, с. 42]. Вместе с тем британский историк, называвший «простейшим путем» объяснение подобного всплеска в конце 1980-х — начале 1990-х годов последствиями «незаконченного дела 1918–1921 гг.», призывал не идти по нему. Ключевым фактором он считал не столько межэтнические противоречия сами по себе, сколько «решение [Москвы] о реформировании советского режима», «отказ от оказания военной поддержки режимам в странах-сателлитах» и «подрыв централизованной системы командования и принятия решений», приведший, в свою очередь, к «подрыву оснований и независимых коммунистических режимов в Балканской Европе» [20, р. 165, 167].

В 2009 г., в год 90-летия Версальского договора, Шарп подчеркивал, что «дилеммы, посеянные проблемным вильсоновским принципом самоопределения, продолжают преследовать нас. Конец “холодной войны” разморозил споры и противоречия на границах России, на Балканах и в других частях Европы, знакомых творцам [Версальского] мира» [18]. Вопрос о «национальных меньшинствах», «вновь поднятый после 1989 г.» и вызвавший «серьезные проблемы в отношениях между Румынией и Венгрией, Словакией и Венгрией», также рассматривался как своеобразное «наследие» Версаля [22, р. 5].

Трансформация геополитической и стратегической «карты» Европы. Фактор США

Если создание новых государств на европейском континенте по итогам Первой мировой войны, с одной стороны, свидетельствовало о стратегическом отступлении многонациональных империй, а с другой — фиксировало его, то и всплеск национальных и межэтнических конфликтов после 1989–1990 гг. также был непосредственно связан с изменением геополитической обстановки в Старом Свете. В 1998 г. российский историк В. Л. Мальков полагал, что «идеи Версаля, стратегия Версаля, надежды Версаля, пройдя замкнутый цикл от расцвета до краха и снова рекуперации, воплотились в нестабильной и взрывоопасной геополитической ситуации на рубеже [XX–XXI] веков» [23, с. 202].

Представление об относительной стабильности Европы, разделенной на американскую и советскую «сферы влияния», характерное для времен холодной войны, уступало место идеям о более разнообразном геополитическом ландшафте. По словам французского историка Ж. Барьети, «начиная с 1990 г. мы видели, как на свет вновь появилась карта Европа, серьезным образом напоминая ту, что образовалась по итогам соглашений 1919–1920 гг. ...» [24, р. 14]. Если французский эксперт намекал на усиление тенденций многополярности в Старом Свете, то другие авторы, вслед за американским политологом Ч. Краутхаммером, уже в конце 1990 г. писавшим об «однополярном моменте» [25], а затем и об «эре однополярности» [26, р. 17], видели ситуацию в противоположном свете, даже осуществляя своего рода перенос реалий одной эпохи на другую: «Баланс мировой политики в 1919 г. напоминал однополярный мир 1989 г. в значительно большей степени, чем разделенный мир 1945 г.», — полагал британский историк А. Туз, дискутируя с идеей о том, что события 1917–1919 гг. можно считать прообразом холодной войны [27, с. 30].

В этом отношении «образы Версаля» были, скорее, применимы к реалиям внутри Европы, нежели при рассмотрении глобального «баланса сил». Рост тенденций к многополярности и усложнению во взаимодействии ведущих европейских государств в 1990-е годы (возникновение новых дилемм в отношениях Франции и усилившейся Германии, притом что «тандем» Париж — Берлин оставался основой европейской интеграции; переориентация на Вашингтон ряда восточноевропейских стран; новые попытки англо-французского сближения и др.) сочетался с выраженным превосходством США в мире на фоне ослабленности России, постепенного укрепления мощи Китая, сложностей в военно-политическом сближении стран Европейского союза. Своеобразная многополярность в Европе накладывалась, таким образом, на «однополярный момент» в глобальном масштабе, что отличало, вопреки мнению Туза, ситуацию 1989 г. от 1919 г., не исключая, однако, самой возможности их сопоставления.

Помимо дискуссий о характере полярности системной модели, один из вопросов, по которому напрямую или косвенно сравнивались 1919 г. и 1989 г., касался роли «фактора США» и его значения для политической и стратегической ситуации в Европе. Ряд экспертов опасался того, что по аналогии с отказом Вашингтона от Версальского договора в 1920 г. и нежеланием брать на себя военно-политические обязательства в отношении Европы в межвоенный период, Соединенные Штаты

после распада «социалистического лагеря» и самого Советского Союза захотят «уйти из Европы». В 1989 г. в статье «Экономические последствия мира», напрямую апеллировавшей к бестселлеру Кейнса, вице-председатель Совета директоров банка «Голдман-Сакс Интернешнл» Р.Хорватс подчеркивал возможность вывода двух из пяти американских дивизий из Европы. Он также писал о необходимости для европейцев больше думать о собственной обороне, акцентируя к тому же торгово-экономическую конкуренцию американских фирм с компаниями из союзной Западной Европы [28, р. 486, 495, 499]. Подобные аллюзии нередко вызывали опасения по другую сторону Атлантики, особенно в Великобритании. Известный британский эксперт и историк М. Говард в 1994 г. полагал, что имеется «очевидная возможность, если не вероятность того, что американцы в настоящее время уйдут домой» [29, р. 26]. В таком случае Говард не исключал возрождения традиционных конфликтов в рамках англо-франко-германского «треугольника».

Если опасения Говарда относительно полноценного возрождения былых противоречий во взаимодействии Лондона, Парижа и Берлина оказались несколько завышены, то тренд на сокращение американского присутствия вплоть до 2014 г. действительно давал о себе знать, свидетельствуя, среди прочего, о снижении напряженности в Европе и наличии иных приоритетов в применении вооруженных сил у США. Еще в мае 1992 г. министр обороны Соединенных Штатов Д. Чейни заявил о сокращении американских сил в Европе до двух дивизий. В 2006 г. из Европы была выведена 1-я пехотная дивизия, в 2011 г. завершен вывод 1-й бронетанковой дивизии, что привело к ликвидации дивизионных штабов в Европе. В 2013 г. на европейском континенте вооруженные силы США были представлены прежде всего 173-й воздушно-десантной бригадой и 2-м кавалерийским полком. Усиление американских войск в Европе в условиях «украинского кризиса» с 2014 г. привело, однако, к наращиванию их численности в 2017 г. до 60 тыс. военнослужащих с перспективой дальнейшего увеличения [30].

Новый виток глобализации или возврат к прошлому? 1989 г. как преодоление или продолжение 1919 и 1914 гг.

После окончания холодной войны Версаль нередко интерпретировался как квинтэссенция «старой» политики и правил международной игры, которые, как считалось на волне западной эйфории в начале 1990-х годов, должны были уйти в прошлое. Немецкий специалист по международному праву Й. Дельбрюек писал в 1990 г. о том, что «новый европейский мирный порядок должен обеспечить такие механизмы, которые ослабят существующие противоречия и не будут способствовать развитию устаревших понятий межгосударственной (экономической) вражды» [31, р. 907]. Присутствовали опасения и противоположного рода в виде аллюзий на эвентуальное возрождение «призраков» Версаля. Отражая подобные настроения, автор бестселлера о Парижской мирной конференции, британская исследовательница М. Макмиллан писала в 2001 г.: «...мы кое-что знаем о том, что такое жить в конце большой войны. Голоса 1919 г. очень сильно напоминают нам голоса нашей эпохи. Когда в 1989 г. “холодная война” закончилась, а советский марксизм был выброшен в отвал истории, старые факторы, религия и национализм, вновь дали о себе знать... Босния и Руанда напомнили нам, какими могучи-

ми могут быть эти силы» [6, р. xxvii]. Показательно, что в 2003 г., пытаясь доказать идею о благоприятных последствиях американской однополярности для системы международных отношений, в качестве контрпримера Краутхамер упоминал Европу, «практиковавшую многополярность веками и обнаружившую ее крайне нестабильный и кровавый характер, кульминацией чего стал катастрофический коллапс деликатной системы сдерживавших друг друга союзов в 1914 г.». Автор проводил прямую линию от Первой мировой войны к попыткам последующей европейской интеграции, рассматривая ее как способ преодоления прошлой вражды [26, р. 13].

В этом смысле более оптимистично настроенные эксперты, в той или иной степени сближавшиеся с точкой зрения Фукуямы, видели в 1989 г. своего рода кульминацию истории Европы и закрытие «ящика Пандоры, открытого в августе 1914 г.» [32, р. 48]. Напротив, исследователи, смотревшие на текущую ситуацию с большим пессимизмом скорее находили в 1989 г. черты 1919 г. и опасались «возрождения» Версаля. Немецкий историк Й. Леонгард, которого скорее можно отнести к первой группе, в 2018 г. писал о том, что «после 1945 г. история высвобожденного насилия, катастроф и дезинтеграции, характерная для первой половины века, уступила место, по крайней мере в Европе, мирному периоду, отмеченному стабильностью “холодной войны” и развитием массового демократического общества сначала на Западе континента, а после 1989/91 гг. — также и на Востоке. Представлялось, что вторая половина века была использована для того, чтобы залечить раны, которые периодически открывались начиная с августа 1914 г.» [32, р. 49]. В более триумфалистской версии речь шла об интерпретации 1989–1991 гг. как освобождения «порабощенной половины Европы» [33, р. 210] и кульминации «коллапса Советского Союза» [34, р. 875] — еще одного дитяти «эпохи Первой мировой войны».

Напротив, британский исследователь Н. Фергюсон, выражавший в данном случае более пессимистическую точку зрения, полагал, что подобный дискурс — постепенное утверждение и последующая победа либеральной демократии и рыночной экономики — не отражает реальной эволюции Европы: «Нам нравится думать о революциях 1989 г. как о финале двадцатого века — историческом моменте, отмеченном триумфом Запада и идеологическим счастливым концом... Однако события на Балканах уже скоро сделали посмешище из этого исторического хеппи-энда» [35, р. 626]. Американский историк Р. Стил, для оценок которого характерен «ностальгический взгляд в отношении Австро-Венгерской империи» [36, р. 41], а также скепсис в отношении вильсоновского наследия и возможностей полноценной реализации «права наций на самоопределение», в противоположность Фукуяме, видел в 1989 г. не завершение истории, а возвращение к 1919 г. Если урегулирование 1989–1990 гг., «как предполагалось, должно исправить несправедливости, навязанные Европе в 1945 г., то на самом деле произошел возврат к иллюзиям и благонамеренным ошибкам 1919 г.» [11, р. 34]. Даже настроенный более оптимистично американский политолог У. Смайзер из «Фонда Карнеги», считавший международные договоренности 1989–1990 гг. (прежде всего Парижскую хартию от 21 ноября 1990 г.) более перспективным вариантом «мирного урегулирования» по сравнению с итогами Парижской мирной конференции 1919–1920 гг. и Венского конгресса 1814–1815 гг., летом 1991 г. был обеспокоен тем, что «новая Европа во многом напоминает Европу старую. Дело практически обстоит так, как если бы двадцатый век, две мировые войны и “холодная война” были аберрацией или плохим сном» [37, р. 69].

Опасение возникновения новых держав-ревизионистов и новых угроз

Четвертый параметр сопоставления 1919 г. и 1989 г. высвечивал позиции различных западных экспертов по взаимосвязанному комплексу из трех вопросов: роль Версаля в развязывании Германией Второй мировой войны; потенциальное превращение России в новую ревизионистскую державу; наконец, сравнение нового вызова периода Версаля (большевизм и угроза «мировой революции») с новым вызовом конца XX — начала XXI в. (международный терроризм).

Говорить о четкой корреляции между точками зрения по указанным выше трем пунктам не приходится; при этом позиция того или иного эксперта по вопросу о выстраивании взаимодействия с Россией, столь актуальному в 1990-е годы, во многом была ключевой в рамках «триптиха». В 1989 г. Хорматс рассматривал проблему репараций и вопрос о межсоюзнических долгах после Первой мировой войны в качестве решающих факторов экономического кризиса, прихода А. Гитлера к власти и начала Второй мировой войны, которой, с точки зрения эксперта, можно было избежать при более продуманном решении обозначенных проблем. Вместе с тем он призывал — казалось бы, в противоречии с собственными историческими выкладками — к напористой позиции Запада в отношении СССР. Считая, что «западный подход к выстраиванию экономической политики» победил в годы холодной войны, американский финансист настаивал на том, что «нормализация взаимодействия с СССР должна проходить на западных условиях и зависеть от полноценной и глубокой внутривнутриполитической реформы в Советском Союзе» [28, р. 488]. Британский историк и дипломат Ф. Кэмерон, подчеркивая прямую связь между Первой и Второй мировыми войнами [22, р. 6], и в 2014 г. видел своеобразную «тень» мировых конфликтов в российских внешнеполитических действиях. Последние он трактовал как стремление «восстановить центральное место России в глобальной мировой политике — что-то наподобие позиции Советского Союза в период после окончания Второй мировой войны» [22, р. 3].

Политический консультант и финансовый эксперт Дж. Сакс, де-факто солидарный с Хорматсом и стимулировавший либеральные реформы в России в начале 1990-х годов, занимал иную позицию применительно к «образам Версаля». Соглашаясь с линейной трактовкой последствий мирного договора (жестокое обращение с Германией — приход к власти Гитлера — развязывание Второй мировой), он тем не менее сожалел о том, что в 1990-е годы «лидеры США относились к России примерно так же, как Ллойд Джордж и Клемансо смотрели на Германию в Версале — как на врага, потерпевшего поражение, которого необходимо сокрушить, а не оказывать ему помощь» [16]. Аналогию вряд ли можно считать точной с исторической точки зрения (подходы премьер-министров Великобритании и Франции к Германии достаточно серьезно различались), однако она отражала авторскую точку зрения. Аналогичной в 1997 г. была позиция шведского дипломата Орна, считавшего, что курс на расширение НАТО на Восток, не устраивавший Россию, напоминал обращение держав Антанты с Германией после 1918 г. [17, р. 48]. Предполагаемый крен России в сторону возврата к коммунистическому прошлому или нового всплеска националистических настроений — на Западе не исключались оба сценария, особенно после высоких результатов, продемонстрированных КПРФ

и ЛДПР на выборах в Государственную думу в 1995 г., — вызывал повышенные опасения американских экспертов. Заместитель Государственного секретаря США в 1994–2001 г. С. Толботт в своих воспоминаниях даже писал о попытках президента Б. Н. Ельцина убедить Клинтона пойти на уступки по ряду вопросов, намекая на эвентуальные «ужасные последствия на парламентских выборах в конце 1995 г. и президентских — в 1996 г.» [38, р. 156].

Представление о Версале, связанное с переносом образа ослабленной Германии после Первой мировой войны на Россию 1990-х годов, имело, с точки зрения некоторых авторов, и прямые аналогии с 1919 г.: «К ноябрю 1918 года на колени была поставлена не только Германия, но и Россия» [27, с. 30]. Не случайно в этом смысле, что у российского руководства «ущербное наследие Версальского договора» [39], в котором обнаруживались истоки Второй мировой войны, не вызывало никаких симпатий.

Наконец, еще одной предполагаемой параллелью, интриговавшей западных экспертов, было сопоставление «большевистского фактора» после 1917 г. и международного терроризма постбиполярного периода. Хотя в 2001 г. американский историк Дж. Блатт полагал, что «конец “холодной войны”, коллапс советского и европейского коммунизма снизили чувствительность к роли фактора коммунистической революции в международных отношениях в период после окончания Первой мировой войны» [36, р. 37], образ большевизма оставался по-прежнему притягательным как выражение «экзистенциальной угрозы» для Запада. По словам Макмиллан, «сегодня, согласно некоторым оценкам, источник угрозы — воинствующий ислам. В 1919 г. эту роль играл русский большевизм» [6, р. xxvii].

В целом представления авторов о соотношении 1919 г. и 1989 г. почти неизбежно — в более или менее развернутой форме — были частью их общих концепций о развитии Европы на протяжении всего XX в. 1989 г. или 1991 г. рассматривались в качестве кульминации и преодоления тенденций «короткого двадцатого века» либо, напротив, как возврат к 1919 г. В 2013 г., на фоне обострения международно-политической обстановки, бытовали еще более «грозные» аналогии с 1913 г. [40, с. 16], которые, к счастью, не оправдались полностью, но оказались по-прежнему симптоматичными.

«Образы Версаля» в политологических и историографических оценках: сравнительный анализ

«Образ Версаля» в оценках политологов и экспертов нередко представлял более однозначным и прямолинейным, нежели в интерпретации историков, специально занимавшихся Первой мировой войной и межвоенным периодом. Проведение четкой и неизбежной линии, начиная от Версальского договора до прихода Гитлера к власти и заканчивая развязыванием Второй мировой войны, встречающееся у авторитетных политологов [22, р. 3, 6; 41, р. 203], рассматривается значительным числом специалистов — англо-американским политологом К. Греем, историками из Великобритании (Д. Рейнольдс), Германии (Й. Эхтернкамп), Франции (Ф. Десберг) и др. — как упрощение процессов, шедших в межвоенной Европе. Развитие ситуации после Версаля не было предопределено и оставалось многовариантным; нацистская пропаганда сознательно гипертрофировала образ Версальского «дик-

тата»; подобная концепция затушевывала фактор политики «умиротворения» и др. (см. подробнее: [42]). Акцентирование указанных идей не означает солидарной идеализации мирного договора 1919 г. Блатт, сравнивая Версальское урегулирование с предыдущими крупными договоренностями по итогам Наполеоновских войн, Франко-прусской войны 1870–1871 гг., с завершением Второй мировой и холодной войн и даже с Брест-Литовском, находил первое «ни достаточно суровым, ни способствующим согласию, ни мудрым» [36, р. 41].

Безусловно, речь не идет о противопоставлении «поверхностных» политологов и «всезнающих» историков. Последние серьезно зависели в своих выводах от доминировавших трендов в развитии историографии, которые, в свою очередь, нередко в той или иной форме были связаны с международно-политическим контекстом. Согласно гипотезе британского историка И. Кларка, констатировавшего в 2003 г., что репутация Версальского договора среди специалистов «никогда прежде не была так высока», подобное положение дел было связано с самой атмосферой 1990-х годов. Тогдашние неудачные попытки утверждения «нового» порядка — усиление системы коллективной безопасности, укрепление роли ООН и универсальное распространение либерально-рыночной модели, — соседствовавшие с ожившими «призраками прошлого» (всплеск национализма в Юго-Восточной Европе), способствовали появлению у исследователей большей эмпатии в отношении проблем, с которыми сталкивались «творцы Версаля» [13, р. 659].

Роль «образов Версаля» как примера исторических аналогий

«Образы Версаля» не только не были застывшими и идентичными, но, по аналогии с интерпретацией иных исторических событий, нередко инструментализировались и использовались в тех целях, которые отстаивал тот или иной автор. Проведение экспертами параллелей между 1919 г. и 1989 г. имело немаловажное значение для доминирующего общественно-политического дискурса о трендах европейской истории XX в. и сути окончания холодной войны. Косвенно политологи и историки могли воздействовать и на конкретные шаги в сфере внешней политики и международных отношений.

В этом смысле можно выделить три основные функции «образов Версаля»: эвристическую, прогностическую, легитимирующую. Анализ событий современности, как правило, стремительно меняющихся, сопряжен с целым рядом сложностей: недостаток и проблема верификации информации, «включенность» исследователя в процессы, повышенная ангажированность и т. д. Использование исторических аналогий, если исходить из презумпции, что изученность событий прошлого глубже и полнее, может помочь разобраться и в текущей ситуации. Один из нередко приводимых примеров подтверждения «симбиоза» исторических штудий и современной политики — сдерживающее и своего рода упреждающее влияние, которое книга американской исследовательницы Б. Такман «Августовские пушки» (1962) о событиях в преддверии начала Первой мировой войны, как считается, оказала на действия президента США Дж. Кеннеди в условиях Карибского кризиса [43, р. 305].

Прогностическая функция тесно связана с эвристической, и эксперты нередко пытаются использовать «образцы» истории для определения хода развития бу-

дущих событий. Вместе с тем, как и любые аналогии с прошлым, «образы Версаля» могли указывать на определенные параллели между прошлым и настоящим, но могли уводить и в неверном направлении. Как писал Кэмерон, «хотя политики часто используют исторические аналогии для описания текущей ситуации, это не означает, что подобный тип мышления не сопряжен с потенциальными рисками» [22, р. 3]. Даже если оставаться в поле поиска аналогий, не исключено, что правы были американские политологи Д. Дьюдни и Дж. Айкенберри, отмечавшие в 2010 г. вероятность нового противоборства России и Запада и даже напрямую называвшие Крымский полуостров одной из потенциальных «точек воспламенения» [44, р. 53], но увязывавшие эти процессы не с реалиями межвоенного периода, а с «возвращением к девятнадцатому веку» [44, р. 39]. Тем не менее и они не были чужды использованию «образов Версаля». Проблемы интеграции Германии в европейскую политику после подписания мирного договора 1919 г., представлявшего собой «противоречивую комбинацию репрессивных и прогрессивных мер» [44, р. 43], сопоставлялись экспертами с дилеммами, стоявшими во взаимодействии Запада и России в 1990-е годы [44, р. 51]. Данный пример, как и приведенные выше, говорил о том, что значение исторических аналогий для конкретных внешнеполитических шагов не стоит преувеличивать. Имевшийся у экспертов образ Версальского «диктата», спровоцировавшего ревизионизм Германии, не приводил руководство США и ряда других западных стран к отказу от использования «плодов» ослабленности России непосредственно после окончания холодной войны.

Дьюдни и Айкенберри не были одиноки в поиске аналогий для международных реалий конца XX — начала XXI в. в истории Европы не столько межвоенного периода, сколько XIX столетия. Так, по словам Фергюссона, даже в годы холодной войны Государственный секретарь США Г. Киссинджер «никогда полностью не принимал идею о том, что мир с 1945 г. был разделен на два противоборствующих блока. В реальности, полагал он, двадцатый век, несмотря на всю антагонистическую политическую риторику двух лагерей, несильно отличался от века девятнадцатого» [35, р. 619]. Да и сами хронологические границы межвоенного периода, несмотря на всю кажущуюся очевидность, подчас ставились под сомнение, что делало из Версаля не столько отдельно стоявшую веху, сколько часть более длительного процесса. Так, в рамках концепции «второй Тридцатилетней войны» 1914–1945 гг. подчеркивалась «преемственность» между Первой и Второй мировыми войнами; при этом некоторые авторы предлагали расширить рамки концепции вплоть до 1871 г., рассматривая путь от Франко-прусской войны до Второй мировой войны как «переваривание» Европой и миром последствий объединения Германии [42, с. 39–40]. Кларк полагал, что к «потере невинности» Европы привел не Версаль, а уже убийство в Сараево, с которого и нужно начинать отсчет [13, р. 665]. Наконец, по мнению одного из авторов, дискутировавшего с Хобсбаумом, в международных конфликтах 1990-х годов проявилось наследие даже не Версаля и Брест-Литовска, а незаконченных революций 1848 г. [45, р. 285].

Наконец, важной была и легитимирующая функция «образов Версаля», апелляция к которым подчас служила для экспертов способом доказать свое видение текущих событий. Различные трактовки прошлого нередко использовались в этом смысле для доказательства противоположных тезисов, что говорило не только о противоречивости самих исторических событий, но и о селективных трактовках

последних. Показательно, что если, с точки зрения Леонгарда, Первая мировая открыла «ящик Пандоры» и запустила цикл насилия, лишь постепенно преодоленный во второй половине XX в. [32, р. 49], то французский политолог Э. де Дюран, обеспокоенный в 2014 г. сокращением вооруженных сил европейских государств на фоне многочисленных рисков (в том числе «восстанавливающейся российской мощи» [46, р. 107]), напротив, считал последствиями конфликта 1914–1918 гг. рост пацифистских настроений и восприятие государства как института социально-экономического перераспределения, а не инструмента ведения войны [46, р. 113, 115]. Эти тренды он находил и в современной общественно-политической жизни Европы и выражал свою обеспокоенность, не зашли ли они слишком далеко.

Вывод

Таким образом, анализ роли и значения «образов Версаля» в восприятии международных трансформаций в Европе после 1989–1990 гг. рядом западных экспертов демонстрирует двойственность ситуации. С одной стороны, используя подобные исторические аналогии, авторы схватывали реальные черты определенного сходства между положением дел в 1919 и 1989 гг., прежде всего в отношении роста межнациональных конфликтов в условиях распада федераций и усложнения геополитической и стратегической ситуации на европейском континенте по сравнению с относительной стабильностью времен холодной войны. С другой стороны, иные смысловые компоненты подобных аналогий — надежды на ускоренную глобализацию и либерализацию, а также опасение превращения России в аналог Германии межвоенного периода — либо не оправдались, либо, с западной точки зрения, оправдались частично.

Оценки политологов и «лидеров общественного мнения» нередко отличались от позиций, доминировавших в специализированной историографии по проблемам Версальского порядка; подчас эксперты селективно использовали те или иные грани истории Европы после Первой мировой войны для подкрепления своей точки зрения на характер и тренды развития международной ситуации в 1990-е годы. Многие в подобных суждениях зависело от позиции по ключевым текущим политическим вопросам (в том числе относительно характера взаимодействия стран Запада и России), исходя из которой нередко и вычленились «уроки истории». Авторы, более скептически относившиеся к перспективам формирования «нового мирового порядка», были склонны видеть в 1989 г. возврат к 1919 г.; их «образ Версаля» был скорее окрашен в представления о росте межнациональных противоречий и военно-политической напряженности. Напротив, более оптимистично настроенные эксперты рассматривали 1989 г. как символическое преодоление прошлого, акцентируя (эксплицитно или нет) либеральное «наследие» Версаля — вильсоновские идеи о коллективной безопасности и «демократическом мире», что не исключало при этом жесткого настроя в отношении России. Тем самым амбивалентность в оценках Версаля в 1990-е годы парадоксальным образом отражала двойственность самого мирного договора, комбинирувавшего новаторские элементы (Лига Наций и идеи коллективной безопасности, «право наций на самоопределение») с традиционными силовыми и репрессивными мерами, которые государства-победители часто пытались применить к проигравшим.

Несмотря на существенные отличия текущей международной обстановки от 1990-х годов, «образы Версаля» по-прежнему манят и поныне, а 100-летие мирного договора вполне может оживить подобные дискуссии. В 2010-е годы историки и политологи нередко писали о сохранявшемся «наследии» Первой мировой войны и послевоенного урегулирования не только в Европе [22, р. 5; 31, р. 48], но и на Ближнем Востоке, над судьбами которого до сих пор нависает «тень» договора Сайкса — Пико 1916 г. [47, р. 12]. Более того, подчас проводились параллели между положением дел на европейском континенте в межвоенное время или в конце XIX в., с одной стороны, и ситуацией начала XXI в. в Юго-Восточной Азии — с другой, где потенциальную роль возмутителя спокойствия (в рамках аналогии с Германией) отводили уже Китаю [48, р. 19; 49, р. 180]. В целом на фоне очевидного заката идей о «конце истории» более актуальной представляется недавняя мысль американского экономиста и историка Б. Эйхенгрена, полагавшего, что «мир двадцать первого века все сильнее напоминает мир после окончания Первой мировой войны» [50, р. 19]. Можно предположить, что «образы прошлого» будут оставаться притягательными как для исследователей, так и для «лидеров общественного мнения», а «битвы за историю» закончатся отнюдь не скоро.

Литература

1. Богатуров А. Д. Системное начало и полярность в международных отношениях XX века // Системная история международных отношений: в 2 т. / под ред. А. Д. Богатурова. М.: Культурная революция, 2009. Т. 1. С. 14–29.
2. Магадеев И. Э. Проблема стабильности Версальского порядка в Европе в оценках российской историографии // 25 лет внешней политики России: сб. материалов X Конвента РАМИ (Москва, 8–9 декабря 2016 г.) / под общ. ред. А. В. Мальгина; [науч. ред. А. В. Ревякин]. М.: МГИМО-Университет, 2017. Т. 3. С. 29–46.
3. Дембский С. Мюхенское соглашение и пакт Риббентропа — Молотова через семьдесят лет: проблемы, интерпретации, влияние // Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков / под ред. М. М. Наринского и С. Дембского. М.: Аспект-пресс, 2009. С. 46–82.
4. MacMillan M., Quinton-Brown P. The Uses of History in International Society: from the Paris Peace Conference to the Present // International Affairs. 2019. Vol. 95, no. 1. P. 181–200.
5. Версальско-Вашингтонская международно-правовая система: возникновение, развитие, кризис, 1919–1939 гг.: сб. ст. / отв. ред. Е. Ю. Сергеев. М.: ИВИ РАН, 2011. 313 с.
6. MacMillan M. Peacemakers: Six Months that Changed the World [2001]. New ed. London: John Murray, 2003. 574 p.
7. Sharp A. Consequences of the Peace: The Versailles Settlement: Aftermath and Legacy 1919–2010. London: Haus Publishing, 2010. 311 p.
8. Smith L. V. Sovereignty at the Paris Peace Conference of 1919. Oxford: Oxford University Press, 2018. 304 p.
9. Романова Е. В. Версальский мир: пролог «двадцатилетнего кризиса» или «лучший из возможных компромиссов»? (К вопросу об оценках Версальского мира в историографии) // Европейские сравнительно-исторические исследования. 2017. № 5. С. 3–20.
10. Henig R. Versailles and After, 1919–1933 [1984]. 2nd ed. London: Routledge, 1995. 100 p.
11. The Treaty of Versailles: A Reassessment After 75 Years / Manfred F. Boemeke, Gerald D. Feldman, Elisabeth Glaser (eds). Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 694 p.
12. Steiner Z. The Treaty of Versailles Revisited // The Paris Peace Conference, 1919: Peace without Victory? / Michael Dockrill, John Fisher (eds). Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2001. P. 13–33.
13. Clark A. Review Article: The Spoils of War and the Spoiling of the Peace // Journal of Contemporary History. 2003. Vol. 38, no. 4. P. 659–665.
14. Шевченко О. К. Триумф власти (советская историософия Ялтинской конференции). Брянск: ЦИОГНИС, 2018. 238 с.

15. *Hansen L.* Security as Practice: Discourse Analysis and the Bosnian War. New York: Routledge, 2006. 259 p.
16. *Sachs J.* Viewpoint: Why the Shadow of WW1 and 1989 Hangs over World Events // BBC News Magazine, 16 December 2014. URL: <https://www.bbc.com/news/magazine-30483873> (дата обращения: 19.02.2019).
17. *Örn T.* European Security in an Historical Perspective // International Relations. 1997. Vol. 13, no. 5. P. 45–48.
18. *Sharp A.* Treaty of Versailles: 90 Years Old This Weekend // The Telegraph, 26 June 2009. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/5635293/Treaty-of-Versailles-90-years-old-this-weekend.html> (дата обращения: 19.02.2019).
19. *Fukuyama F.* The End of History? // The National Interest. 1989. No. 16. P. 3–18.
20. *Hobsbawm E.* Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality [1990]. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 206 p.
21. *Хобсбаум Э.* Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век. 1914–1991 [1994] / пер. с англ. М.: Независимая газета, 2004. 632 с.
22. *Cameron F.* The Impact of the First World War and Its Implications for Europe Today (2 June 2014). URL: http://eu.boell.org/sites/default/files/uploads/2014/06/the_impact_of_the_first_world_war_and_implications_for_europe_today.pdf (дата обращения: 19.02.2019).
23. *Мальков В. Л.* Версаль и его уроки. Российский взгляд // Первая мировая война. Пролог XX века / отв. ред. В. Л. Мальков. М.: Наука, 1998. С. 202–210.
24. *Bariéty J.* Introduction // Aristide Briand, la Société des Nations et l'Europe, 1919–1932 / Jacques Bariéty (dir.). Strasbourg: Presses Universitaires de Strasbourg, 2007. P. 13–17.
25. *Krauthammer Ch.* The Unipolar Moment // Foreign Affairs. 1990/1991. Vol. 70, no. 1. P. 23–33.
26. *Krauthammer Ch.* The Unipolar Moment Revisited // National Interest. 2002/03. No. 70. P. 5–17.
27. *Туз А.* Всемирный потоп. Великая война и переустройство мирового порядка, 1916–1931 годы / пер. с англ. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. 640 с.
28. *Hormats R. D.* The Economic Consequences of the Peace — 1989 // Survival. 1990. Vol. 31, no. 6. P. 484–499.
29. *Howard M.* A Europe of the Three: The Historical Context // The RUSI Journal. 1994. Vol. 139, no. 1. P. 23–26.
30. *Зверев Ю.* Вооруженные силы США в Европе: что изменилось после украинского кризиса (13 июня 2017 г.). URL: <http://eurasia.expert/vooruzhennyye-sily-ssha-v-evrope-posle-ukrainskogo-krizisa/> (дата обращения: 26.06.2019).
31. *Delbrueck J.* A European Peace Order and the German Question: Legal and Political Aspects // Michigan Journal of International Law. 1990. Vol. 11, no. 3. P. 897–911.
32. *Leonhard J.* The Overburdened Peace: Competing Visions of World Order in 1918/19 // Bulletin of the German Historical Institute. 2018. No. 62. P. 31–50.
33. *Andelman D. A.* A Shattered Peace: Versailles 1919 and the Price We Pay Today. New York: John Wiley & Sons, 2007. 336 p.
34. *Fischer C.* Review // The Historian. 2017. Vol. 79, no. 4. P. 874–875.
35. *Ferguson N.* The War of the World: Twentieth-Century Conflict and the Descent of the West. New York: Penguin Press, 2006. 880 p.
36. *Blatt J.* [Review] // H-France Review. 2001. Vol. 1, no. 9. P. 36–43.
37. *Smyser W. R.* Vienna, Versailles, and Now Paris: Third Time Lucky? // Washington Quarterly. 1991. Vol. 14, no. 3. P. 61–70.
38. *Talbott S.* The Russia Hand: A Memoir of Presidential Diplomacy. New York: Random House, 2003. 479 p.
39. Выступление Владимира Путина на официальной церемонии в Гданьске // Независимая газета, 1 сентября 2009 г. URL: http://www.ng.ru/newsng/2009-09-01/100_putin.html (дата обращения: 18.02.2019).
40. *Лавров С. В.* Россия — Франция, Россия — Европа: горизонты партнерства // Россия в глобальной политике. 2013. Т. 11. Спец. выпуск. С. 12–18.
41. *Schmid D.* Turquie: le syndrome de Sèvres, ou la Guerre qui n'en finit pas // Politique étrangère. 2014. No. 1. P. 199–213.
42. *Магадеев И. Э.* «Вторая тридцатилетняя война» 1914–1945 гг.? О некоторых особенностях развития международных отношений в Европе на пути ко Второй мировой войне // Вестник Московского университета. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. 2014. № 4. С. 34–61.
43. *Reeves R.* President Kennedy: Profile of Power. New York: Simon & Schuster, 1994. 798 p.

44. *Deudney D., Ikenberry G.J.* The Unravelling of the Cold War Settlement // *Survival*. 2009/2010. Vol. 51, no. 6. P. 39–62.
45. *Szporluk R.* The Making of Modern Ukraine: The Western Dimension // *A Laboratory of Transnational History: Ukraine and Recent Ukrainian Historiography* / Georgiy Kasianov, Philipp Ther (eds). Budapest: CEU Press, 2009. P. 249–286.
46. *Durand É. de.* Europe: d'une démilitarisation l'autre // *Politique étrangère*. 2014. No. 1. P. 103–116.
47. *Strachan H.* The First World War as a Global War // *First World War Studies*. 2010. Vol. 1, no. 1. P. 3–14.
48. *Buzan B., Segal G.* Rethinking East Asian Security // *Survival*. 1994. Vol. 36, no. 2. P. 3–21.
49. *Young-kwan Y.* Le passé de l'Europe est-il le future de l'Asie? // *Politique étrangère*. 2014. No. 1. P. 173–185.
50. *Eichengreen B.* Versailles: the Economic Legacy // *International Affairs*. 2019. Vol. 95, no. 1. P. 7–24.

Статья поступила в редакцию 11 мая 2019 г.
Статья рекомендована к печати 25 июня 2019 г.

Контактная информация:

Магадеев Искандэр Эдуардович — канд. ист. наук, доц.; iskander2017@yandex.ru

The “images of Versailles” and the transformations of international relations in Europe after 1989–1990: views of Western European and US experts

I. E. Magadeev

Moscow State Institute of International Relations,
76, pr. Vernadskogo, 119454, Moscow, Russian Federation

For citation: Magadeev I. E. The “images of Versailles” and the transformations of international relations in Europe after 1989–1990: views of Western European and US experts. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, 2019, vol. 12, issue 3, pp. 276–292. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2019.302> (In Russian)

This article focuses on the question of how the “images” of the Versailles peace treaty (1919) were used by Western experts to analyse the events of the end of the Cold War in 1989–1990 and further international transformations in Europe in the 1990s. Though the scholarly literature on the history of the Versailles order and its historiography is rapidly growing, the problem of the “Versailles images” remains under-researched. The author underlines four key points seen by experts and political scientists to be similar between 1919 and 1989: the growing power of nationalism and separatism, transformation of the geopolitical and strategic situation in Europe, the new phase of globalization based on liberal and market principles, and finally, the rise of fears linked to the eventuality of the new revisionist power and the new global threats emerging. Based on analysis of the articles and publications of different experts and leaders of public opinion, the author concludes that their estimates often diverged from the opinions of professional historians of the interwar period. Political scientists exploited sometimes selectively separate features of the Versailles order in Europe to back up their points of view on the international trends of the 1990s. At the same time the ambivalence of scholars’ estimates correspond to the ambiguities of the Versailles treaty itself, where the new elements, such as the League of Nations and ideas of collective security, were mixed with the traditional repressive measures which winners tried to impose on losers throughout international history.

Keywords: Versailles order, 1919, international relations, Europe, 1989, post-bipolar period.

References

1. Bogaturov, A. D. (2009), System principle and polarity in the international relations of the 20th century, in *Systemic history of international relations*, ed. by Bogaturov, A. D., vol. 1, Kul'turnaia revoliutsiia Publ., pp. 14–29. (In Russian)
2. Magadeev, I. E. (2017), Problem of Versailles order stability in Europe viewed by the Russian historiography, in “25 years of the Russian foreign policy”: proceedings of X RAMI Convent (Moscow, 8–9 December 2016), vol. 3, ed. by Mal'gin, A. V., Revyakin, A. V., MGIMO-Universitet Publ., Moscow, pp. 29–46. (In Russian)
3. Dembskij, S. (2009), Munich Agreement and Ribbentrop — Molotov pact seventy years after: questions, interpretations, influence, in *International crisis of 1939 in the interpretations of the Russian and Polish historians*, ed. by Narinskij, M. M., Dembskij, S., Aspekt-press, Moscow, pp. 46–82. (In Russian)
4. MacMillan, M., Quinton-Brown, P. (2019), The Uses of History in International Society: from the Paris Peace Conference to the Present, *International Affairs*, vol. 95 (1), pp. 181–200.
5. *Versailles–Washington international and legal system: genesis, evolution, crisis, 1919–1939. Collection of essays* (2011), ed. by Sergeev, E. Iu., IVI RAN Publ., Moscow, 313 p. (In Russian)
6. MacMillan, M. (2003), *Peacemakers: Six Months that Changed the World*, John Murray, London, 574 p.
7. Sharp, A. (2010), *Consequences of the Peace: The Versailles Settlement: Aftermath and Legacy 1919–2010*, New ed., Haus Publishing, London, 574 p. Oxford, 2018. 304 p.
8. Smith L. V. (2018), *Sovereignty at the Paris Peace Conference of 1919*. Oxford University Press, Oxford, 304 p.
9. Romanova, E. V. (2017), The Versailles peace: prologue of “twenty-years’ crisis” or “the best possible compromise” (Estimations of the Versailles treaty in the historiography), *Evropejskie sravnitel'no-istoricheskie issledovaniya*, no. 5, pp. 3–20. (In Russian).
10. Henig, R. (1995), *Versailles and After, 1919–1933*, 2nd ed., Routledge, London, 100 p.
11. The Treaty of Versailles: A Reassessment After 75 Years (1998), ed. by Boemeke, M. F., Feldman, G. D., Glaser, E., Cambridge University Press, Cambridge, 694 p.
12. Steiner, Z. (2001), The Treaty of Versailles Revisited, in *The Paris Peace Conference, 1919: Peace without Victory?*, ed. by Dockrill, M., Fisher, J., Palgrave Macmillan, Basingstoke, pp. 13–33.
13. Clark, A. (2003), Review Article: The Spoils of War and the Spoiling of the Peace, *Journal of Contemporary History*, vol. 38 (4), pp. 659–665.
14. Shevchenko, O. K. (2018), *Triumph of power (Soviet historiosophy of the Yalta conference)*, BROO «CIOGNIS» Publ., Briansk, 694 p. (In Russian)
15. Hansen, L. (2006), *Security as Practice: Discourse Analysis and the Bosnian War*, Routledge, New York, 259 p.
16. Sachs, J. (2014), Viewpoint: Why the Shadow of WW1 and 1989 Hangs over World Events, *BBC News Magazine*, 16 December, available at: <https://www.bbc.com/news/magazine-30483873> (accessed: 19.02.2019).
17. Örn, T. (1997), European Security in an Historical Perspective, *International Relations*, vol. 13 (5), pp. 45–48.
18. Sharp, A. (2009), Treaty of Versailles: 90 Years Old This Weekend, *The Telegraph*, 26 June, available at: <https://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/5635293/Treaty-of-Versailles-90-years-old-this-weekend.html> (accessed: 19.02.2019).
19. Fukuyama, F. (1989), The End of History?, *The National Interest*, no. 16, pp. 3–18.
20. Hobsbawm, E. (1992), *Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality*, 2nd ed., Cambridge University Press, Cambridge, 259 p.
21. Hobsbaum, E. (2004), *Age of extremes. The short twentieth century, 1914–1991*, transl. from English., Nezavisimaya gazeta Publ., Moscow, 259 p. (In Russian)
22. Cameron, F. *The Impact of the First World War and Its Implications for Europe Today (2 June 2014)*, available at: http://eu.boell.org/sites/default/files/uploads/2014/06/the_impact_of_the_first_world_war_and_implications_for_europe_today.pdf (accessed: 19.02.2019).
23. Mal'kov, V. L. (1998), Versailles and its lessons. A Russian view, in *First World War. Prologue of the 20th century*, ed. by Mal'kov, V. L., Nauka Publ., Moscow, pp. 202–210. (In Russian)
24. Bariéty, J. (2007), Introduction, in *Aristide Briand, la Société des Nations et l'Europe, 1919–1932*, ed. by Bariéty, J., Presses Universitaires de Strasbourg, Strasbourg, pp. 13–17.
25. Krauthammer, Ch. (1990/1991), The Unipolar Moment, *Foreign Affairs*, vol. 70 (1), pp. 23–33.
26. Krauthammer, Ch. (2002/2003), The Unipolar Moment Revisited, *National Interest*, no. 70, pp. 5–17.

27. Tuz, A. (2017), *The Deluge: The Great War, America and the Remaking of the Global Order, 1916–1931*, transl. from English, Institut Gajdara Publ., Moscow, 259 p. (In Russian)
28. Hormats, R.D. (1990), The Economic Consequences of the Peace–1989, *Survival*, vol. 31, no. 6, pp. 484–499.
29. Howard, M. (1994), A Europe of the Three: The Historical Context, *The RUSI Journal*, vol. 139, no. 1, pp. 23–26.
30. Zverev, Yu. *US armed forces in Europe: what has changed since the Ukrainian crisis. 13 June 2017*, available at: <http://eurasia.expert/vooruzhennye-sily-ssha-v-evrope-posle-ukrainskogo-krizisa/> (accessed: 26.06.2019).
31. Delbrueck, J. (1990), A European Peace Order and the German Question: Legal and Political Aspects, *Michigan Journal of International Law*, vol. 11, no. 3, pp. 897–911.
32. Leonhard, J. (2018), The Overburdened Peace: Competing Visions of World Order in 1918/19, *Bulletin of the German Historical Institute*, no. 62, pp. 31–50.
33. Andelman, D.A. (2007), *A Shattered Peace: Versailles 1919 and the Price We Pay Today*, John Wiley & Sons, New York, 259 p.
34. Fischer, C. (2017), Review, *The Historian*, vol. 79, no. 4, pp. 874–875.
35. Ferguson, N. (2006), *The War of the World: Twentieth-Century Conflict and the Descent of the West*, Penguin Press, New York, 259 p.
36. Blatt, J. (2001), Review, *H-France Review*, vol. 1, no. 9, pp. 36–43.
37. Smyser, W.R. (1991), Vienna, Versailles, and Now Paris: Third Time Lucky?, *Washington Quarterly*, vol. 14, no. 3, pp. 61–70.
38. Speech by Vladimir Putin at the official ceremony in Gdansk (2009), *Nezavisimaja gazeta*, 1 September, available at: http://www.ng.ru/newsng/2009-09-01/100_putin.html (accessed: 18.02.2019).
39. Talbott, S. (2003), *The Russia Hand: A Memoir of Presidential Diplomacy*, Random House, New York.
40. Lavrov, S.V. (2013), Russia — France, Russia — Europe: horizons of partnership, *Rossia v global'noi politike*, vol. 11, pp. 12–18. (In Russian)
41. Schmid, D. (2014), Turquie: le syndrome de Sèvres, ou la Guerre qui n'en finit pas, *Politique étrangère*, no. 1, pp. 199–213.
42. Magadeev, I.E. (2014), Second Thirty Years' war of 1914–1945? Some features of international relations on the way to the Second World War, *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*, no. 4, pp. 34–61. (In Russian)
43. Reeves, R. (1994), *President Kennedy: Profile of Power*, Simon & Schuster, New York, 798 p.
44. Deudney, D. and Ikenberry, G. J. (2009/2010), The Unravelling of the Cold War Settlement, *Survival*, vol. 51 (6), pp. 39–62.
45. Szporluk, R. (2009), The Making of Modern Ukraine: The Western Dimension, in *A Laboratory of Transnational History: Ukraine and Recent Ukrainian Historiography*, ed. by Kasianov, G., Ther, Ph., CEU Press, Budapest, pp. 249–286.
46. Durand, É. de (2014), Europe: d'une démilitarisation l'autre, *Politique étrangère*, no. 1, pp. 103–116.
47. Strachan, H. (2010), The First World War as a Global War, *First World War Studies*, vol. 1, no. 1, pp. 3–14.
48. Buzan, B., Segal, G. (1994), Rethinking East Asian Security, *Survival*, vol. 36, no. 2, pp. 3–21.
49. Young-kwan, Y. (2014), Le passé de l'Europe est-il le future de l'Asie?, *Politique étrangère*, no. 1, pp. 173–185.
50. Eichengreen, B. (2019), Versailles: the Economic Legacy, *International Affairs*, vol. 95, no. 1, pp. 7–24.

Received: May 11, 2019

Accepted: June 25, 2019

Author's information:

Iskander E. Magadeev — PhD (History), Associate Professor; iskander2017@yandex.ru